

Александра Зайцева

Далёкие долгие сумерки

Каждый день Валера смотрел на окна соседней двухэтажки, на старое абрикосовое дерево с корявым раздвоенным стволом, на кусты сирени за клумбой бархатцев и угольные сараи чуть в стороне. Если наклонялся влево и вытягивал шею так, что немели верхние позвонки, видел кусочек чёрной трассы. За трассой начинались огороды, но настолько далеко заглянуть не удавалось, это Валера просто знал. Если тянулся вправо, в поле зрения попадали каменистый спуск к летним кухням и край деревянной беседки. По вечерам мужики постарше набивались в беседку, чтобы поиграть в буру - тесно усаживались на бортики, наклонялись к столу в центре, и с улицы были видны лишь их покатые спины, задравшиеся на поясных майки и резинки трусов. Валера хотел бы сесть так же, взять в руку истрёпанных дам и королей, сплюнуть через плечо на россыпь окурков... совсем как они. Но нет, хоть и сломался уже голос, и начали отрастать тонкие усики под носом. Даже когда Валера станет гораздо старше своих пятнадцати, не бывать ему в беседке, а наблюдать с высокого - в пять ступеней - крыльца, как сейчас.

Валера только и делал, что наблюдал, во всяком случае летом. Лето милосердно к каждому, особенно долгие густые сумерки, полные запахами акации и полыни, голосами сверчков в траве и грудным голубиным гуканьем. Валера и сам был таким вот сверчком, или голубем, или деревом – частью пейзажа. А когда приходили друзья – памятником, возле которого назначают свидания, сплетничают и бренчат на помятой едва живой гитаре. Он был горящей лампочкой под козырьком подъезда – не маяк, но тоже свет. Был местом, поводом, причиной. Тотемным столбом, к которому нельзя без подношения.

Ребята носили Валере шоколадные батончики и газировку в жестяных банках, сигаретные пачки для коллекции, старинные монеты и марки, значки с рокерами, фото американских актрис, журналы, но чаще книги – фантастику и детективы. Иногда дарили кассеты с музыкой, но никогда - с фильмами. Видеомагнитофона у Валеры не было, у остальных тоже.

Валера знал лишь одного человека, имеющего собственный видик – Дядьколю, который приезжал редко и ненадолго. Заруливал прямо под бельевые верёвки на своей пижонской серой девятке, отрывисто сигналил, выбирался с водительского места, потягивался,

разминая спину, и громко хлопал дверцей. Рывкал на жену или дочь, если хлопнет кто-то из них. Но до настоящего скандала не доходило, потому что из подъезда уже выкатывалась баба Тася, его мать. Она семенила к машине, маленькая и шарообразная, причитала и требовала поцелуев. Следом волочился её младший непутёвый сын - этот поворачивал сразу к багажнику, чтобы помочь выгрузить раздутые сумки и бесчисленное множество коньячных бутылок. И каждый раз Дядьколя привозил что-то новое: фотоаппарат, что выдаёт моментальные снимки, видеокамеру, двухкассетный магнитофон с мигающими светодиодами на колонках, или вот - видик. Валера не мог спать, когда у соседей сверху стреляли киношные полицейские, ревели монстры, взрывались небоскрёбы и космические корабли. Но ему это нисколько не мешало. Наоборот, он прислушивался и чувствовал, что благодаря Дядьколе меняется сам воздух, ускоряется время, а чёткие границы реальности растягиваются, словно резиновые.

Дядьколя приезжал откуда-то с севера. Мать Валеры его терпеть не могла, жаловалась на шум и сыпала проклятиями. Естественно, вполголоса, за глаза. Отец угрюмо молчал, но в беседку ходил, пил там Дядьколин коньяк и слушал его байки про лучшую жизнь. Ходил, будто мучил себя. Только Валера ждал этих приездов. Предчувствовал. А после - чутко замирал, когда высокий грузный Дядьколя топал по деревянной лестнице, спускаясь со второго этажа, выходил на крыльцо, поворачивал к Валере красное взмокшее лицо и радостно гаркал:

- Здорово, парень! Ну, как оно?

- Здравсте, Дядьколь! Лучше всех! - рапортовал Валера его мощному загривку – Дядьколя не ждал ответа, шагал дальше. Но Валере и этого было достаточно, чтобы приблизиться к чему-то недостижимому.

Жена Дядьколи, статная медленная дама, здоровалась с Валерой не глядя. Только раз посмотрела поверх его головы, проходя мимо. «Как жарко», - сказала она тогда сонным голосом больше себе, чем ему. Дочь не здоровалась вовсе. Длинная плоская девица лет четырнадцати, прекрасный объект для наблюдений. Аня. Королева Анна, как мысленно называл её Валера и мысленно же усмехался. Наверное, это из-за её неподвижного лица и тонких сжатых губ, ускользающих глаз, напряжённой походки – не шла, а несла себя, несла и боялась уронить. И хотя Валера прекрасно ладил с другими, эта Аня не просто его игнорировала, нет, она презирала. Брезговала. Такое считается неосознанно, ощущается холодом в ямке под кадыком.

Парни изображали равнодушные, но надеялись, что приезжая подойдёт поболтать и окажется разбитной городской красоткой в лучших традициях Голливуда. А она отсиживалась дома или шествовала по ступеням, глядя строго перед собой. Слишком надменная. Мрачная. И вообще не симпатичная, даже страшненькая. «Крокодилла» – быстро и легко прицепилось к ней дурацкое прозвище. О девчонках и говорить нечего, они враждебны с самого начала, их надо завоевывать. Тем более, если на тебе модные шмотки, каких у них никогда не было. Только Аня плевать на всех хотела.

И всё же Валера её как-то засёк. В один из вечеров, когда почти стемнело и человек десять облепили крыльцо, заметил в окне второго этажа коротко стриженную голову с длинной косой чёлкой на один глаз: Аня отвела занавеску в сторону и высунулась так, что легла грудью на подоконник. Один из ребят терзал гитару, нещадно перебирая: «под колёсами любви, это знала Ева, это знал Адам – колёса любви едут прямо по нам», Аня слушала. Валера смотрел на неё, она – на парня с гитарой, не отрываясь и не шевелясь. А когда заметила Валерино запрокинутое лицо, когда они встретились взглядами и Валера улыбнулся, некрасиво скривилась и отступила назад в квартиру. Слышно было как стукнула рама, как железные кольца с проехали по карнизу, когда она рывком задёрнула штору. И вроде бы с тех пор ничего не изменилось, но теперь Валера часто поглядывал на соседские окна. Он и сам не знал, почему, но очень хотел понять: её гримаса – отвращение или что-то другое? И почему ему, Валере, это важно?

В тот вечер ребята не пришли - по субботам они танцевали или устраивали разборки на дискотеке в ДК, и Валера сидел один. Привычно и безопасно. Завтра его завалят рассказами, а сегодня можно вслушиваться в сумерки. В неясные смешки и отрывистые восклицания из беседки, в звон посуды на чужой кухне, в бормотание чьего-то телевизора, в скрип качелей за домом и редкое низкое гудение на трассе – Валера то собирал все звуки в однородный гул, то выделял единственный и ощупывал только его. Почти транс. Погружение... Но вот наверху хлопнула дверь и всё рассыпалось, кто-то начал тяжело спускаться. Наверное, баба Тася. Хотя нет, слишком торопливо для неё. Валера открыл глаза и неловко обернулся, с коленей упала книга, для которой стало слишком темно. Страницы загнулись, обложка раскрылась домиком возле приступки кресла. Аня чуть не задела книгу белоснежной кроссовкой, когда вышла из подъезда, но не наклонилась, не подняла.

- Эй! Постой! – окликнул Валера узкую спину. Светлая футболка мерцала в сумерках и продолжала удаляться. – Я тебе говорю, эй, королева!

Аня остановилась, втиснула ладони в задние карманы узких джинсов, нехотя повернулась.

- Чего тебе? – спросила из-под длинной чёлки.

- Выходи во двор завтра вечером.

- Зачем?

- Просто. Ребята придут.

- Не хочу.

- Зря ты так, они нормальные.

Она хмыкнула. Раздражённо дёрнула плечом. Отбросила чёлку. Посмотрела в упор и с каким-то жестоким удовольствием процедила:

- Я из-за тебя не хочу.

Валера не обиделся, это ведь вполне объяснимая честная позиция, хоть и неприятная.

- Понимаю, - он улыбнулся и положил руки на гладкие ободы колёс, будто хотел обнять своё кресло. Или защитить.

- Ничего ты не понимаешь, - Аня подошла ближе. – Сидишь тут, как маленький сельский божок, всем нравишься, добренький такой, неунывающий. Тебе плакать надо, а ты улыбишься. Я бы не знаю, что с собой сделала, а тебе нормально. Всем доволен. Как же ты меня бесишь!

- Ты что? – задохнулся от изумления Валера. – Ты... серьёзно?!

Аня молчала, долго, потом повернулась и быстро пошла прочь, в сторону огородов. Что там делать по темноте? Разве только прятаться.

- Поменялась бы со мной? А? Скажи, хочешь? – крикнул вдогонку Валера.

- Отстань от меня! Отвяжись!

Но Валера уже знал, что не отстанет. Её глупые слова, злость и стыд, острый взгляд исподлобья, резкий почти судорожный поворот головы, чтобы отбросить с лица чёлку – всё это имело смысл, совершенно невозможный идиотский смысл. Но она ведь не слабоумная, чтобы завидовать. Даже будь она не городской богатенькой деточкой, а нищей сиротой из захолустья, всё равно не стала бы. Никто не стал бы.

Такое говорить, такое думать о нём - о Валере - это же как сильно надо отчаяться.

Когда явился из беседки отец, чтобы отнести сына и кресло домой, Валера попросил оставить его на крыльце. Ненадолго. Пожалуйста. Он хотел дождаться Аню. Хотел сказать, что у него есть та песня на кассете. Для неё. Это важно, это необходимо именно сейчас, пока их недавние слова не исчезли. Даже если она опять не ответит.